

М. Коэн, Э. Нагель. Введение в логику и научный метод / пер. с англ. П.С. Куслия. — Челябинск: Социум, 2010. — 655 с.

Я.В. ШРАМКО

Еще со времен средневекового тривиума логику принято считать важной, если не неотъемлемой, частью классического образования. В этом отношении достаточно показательно, например, что в XIX в., когда в Российской империи происходило становление и развитие системы среднего и высшего образования, логика практически всегда включалась в учебные планы классических гимназий, основной задачей которых была подготовка к поступлению в университет. Хорошее представление о содержании гимназического курса логики того времени дает знаменитый учебник Г.И. Челпанова, опубликованный в 1897 г. и до 1917 г. выдержавший девять изданий (переиздан в сокращенном виде в 1946 г., когда логика на недолгий период была возвращена в среднюю школу). Этот курс, в основном, строился вокруг так называемой традиционной силлогистики, предваряемой учением о понятии и о суждении и дополненной главами, содержащими разрозненные сведения об индуктивных умозаключениях, теории аргументации и логических ошибках. Следует заметить, что учебник Г.И. Челпанова был написан и опубликован в то время, когда логика переживала величайшую в своей истории революцию, когда уже вышли из печати основополагающие работы Дж. Буля, Г. Фреге, Дж. Пеано, активно работал Б. Рассел, разрабатывал свою программу обоснования математики Д. Гильберт. Иными словами, формулировались фундаментальные идеи и происходило становление современной символической логики. Нельзя сказать, что в тогдашней России эти идеи остались совершенно незамеченными. Уже в 1888 г. замечательный отечественный логик и математик П.С. Порецкий читал в Казанском университете курс математической логики, опиравшийся на работы Дж. Буля, У.С. Джевонса и Э. Шредера. Можно также упомянуть плодотворную работу в области алгебры логики Одесской математической школы (И.В. Слешинский, Е.Л. Буницкий и др.). Тем не менее, учебник Г.И. Челпанова свидетельствует о том, что в конце XIX — начале XX вв. новейшие (для того времени) логические достижения практически никак не отразились на стандартном курсе логики, который будто был призван служить иллюстрацией известного утверждения Канта о том, что со времен Аристотеля логика не сделала ни единого шага вперед. К сожалению, и в начале XXI в. многие издающиеся в России учебные пособия по логике недалеко ушли от почтенного труда Георгия Ивановича Челпанова, оставляя стойкое впечатление, что их авторы по уровню своих логических познаний все еще находятся во временах Пор-Рояля. Представим себе, что современный учебник по химии объяснял бы процессы горения в терминах теории флогистона, а в учебнике по физике уравнения классической электродинамики излагались бы с точки зрения эфирной концепции. Но то, что в других науках воспринималось бы как проявление дремучей отсталости, для логики почему-то считается впол-

не приемлемым и чуть ли не правилом хорошего тона. Многочисленные отечественные учебники продолжают вводить в заблуждение студентов, навязывая им совершенно неадекватные и безнадежно архаические представления как о самом предмете логики («логика — наука о законах правильного мышления»), так и о ее основных категориях (пресловутые «формы мышления»: понятие — суждение — умозаключение).

Здесь возникает непростая проблема соотношения логики как науки и логики как учебной дисциплины. Современная логика представляет собой довольно сложную, сильно разветвленную и в высшей степени специализированную науку, некоторые части которой по степени абстрактности и технической изощренности не уступают самым трудным разделам высшей математики. Ясно, что такого рода материал уместно рассматривать только на занятиях со студентами и аспирантами (математиками или философами), специализирующимися по логике, т.е. теми, кто избрал логику в качестве сферы своей будущей научной деятельности. Этот материал, однако, совершенно не подходит для того, что принято называть «общим курсом логики», предназначенным для студентов самых разных (нематематических и нефилософских) специальностей. И если считать такой курс важным элементом подготовки, например, будущих педагогов, юристов или журналистов, то первостепенное значение приобретает вопрос о его содержании. С одной стороны, это содержание не должно быть излишне усложненным, поскольку в противном случае оно просто-напросто не будет воспринято той аудиторией, для которой предназначается. Вряд ли уместно включать в общий курс логики для неспециалистов доказательство теоремы полноты логики предикатов первого порядка. Но, с другой стороны, совершенно неоправданно, под предлогом доступности, заполнять учебный материал пусть и примитивными, но явно устаревшими и просто неверными сведениями, давно отброшенными современной наукой.

Таким образом, при разработке логических курсов возникает непростая задача обеспечения разумного баланса между доступностью учебного материала и научностью его содержания. Для успешного решения этой задачи полезно обратиться к опыту преподавания аналогичных курсов в других странах. В частности, большой интерес в этом отношении представляет «англоязычное образовательное пространство», поскольку в университетах Великобритании и Соединенных Штатов Америки имеются давние и богатые традиции изучения и преподавания логики. Учитывая это, можно только приветствовать издание русского перевода классического учебника двух крупных американских философов середины прошлого века — Морриса Коэна и Эрнста Нагеля, которое, несомненно, будет способствовать ознакомлению российского философского сообщества с некоторыми важными принципами и типичными подходами, характерными для американской и английской логико-педагогической мысли.

Данный учебник примечателен тем, что будучи написанным в 30-х гг. XX столетия, т.е. в то время, когда логическая наука уже окончательно пришла к своему современному виду, он отразил зарождение интересной тенденции во взглядах на цели, задачи и содержание общего (не-

специализированного) курса логики, которая состояла в признании невозможности, да и ненужности обучения тонкостям символической логики широких кругов неспециалистов и фактической замене для такой аудитории собственно логического курса некоторой интегративной методологической дисциплиной, призванной наряду с определенными общелогическими идеями дать представление о практических познавательных и аргументативных приемах, широко используемых в научной, педагогической и другой профессиональной деятельности. В университетах Соединенных Штатов такая дисциплина часто носит название «Critical Thinking» – «критическое мышление». Именно в рамках курса по «критическому мышлению» все еще сохраняется материал, который давно уже исчез из стандартных учебников логики (рассмотрение категорических суждений, сведения о «распределенности терминов», фигурах и правилах силлогизмов и т.п.). Кроме того, значительное место в таком курсе занимают обычно разбор различного рода логических ошибок, проблематика оценки выдвигаемых гипотез, эвристических приемов, применяемых в научном познании и при ведении дискуссий, принципов классификации и определения и прочие «околологические» и общеметодологические вопросы.

Содержание книги М. Коэна и Э. Нагеля в значительной степени покрывает такого рода общеметодологический учебный материал, причем особый упор в нем делается на том, что обозначается в книге как «прикладная логика и научная методология». Авторы в своем предисловии отмечают, что перед ними не стояла задача систематического представления современного им знания по логике, а потому они приняли решение в подаче логического материала сконцентрироваться, главным образом, на «традиционных подходах», которыми, в противном случае, можно было бы и пренебречь (С. 26). Такое решение обусловливается соображениями «педагогического характера», которые, по мнению авторов, позволяют лучше прояснить основную идею всего курса.

Соответственно, учебник состоит из двух книг, первая из которых (имеющая вспомогательное значение) посвящена изложению ряда тем традиционной логики, а вторая, рассматриваемая авторами в качестве основной, называется «Прикладная логика и научный метод». О том, что именно вторая книга является центральной, говорят в предисловии сами авторы, когда отмечают, что в семестровом курсе по их учебнику наилучшие результаты достигаются при полном изложении содержания второй книги, с добавлением некоторых глав из первой книги. Тем не менее, российскому читателю будет небезынтересно в первую очередь ознакомиться как раз с содержанием первой книги, поскольку, несмотря на свой в целом вспомогательный характер, изложение здесь имеет ряд характерных особенностей, усвоение которых должно, безусловно, способствовать устранению целого ряда дефектов, присущих, к сожалению, многочисленным учебникам по традиционной логике, выходящим сейчас на «постсоветском пространстве».

Прежде всего, следует отметить четкую антипсихологистскую установку рецензируемого учебника, которая последовательно проводится в его первой книге, и которая обосновывается в предваряющей весь учебник

вводной главе, где подробно рассматривается проблема предмета логики. Авторы тщательно разбирают эту проблему и развивают взгляд на логику как на науку, изучающую принципы правильного доказательства, которое, в свою очередь, характеризуется как полное и неопровержимое основание для принятия тех или иных утверждений в качестве истинных. Конкретизируя этот взгляд, логика, в конечном счете, определяется в первой главе как наука об «обоснованном умозаключении» (так в рецензируемом издании переводится термин «valid inference», более же точным переводом, на наш взгляд, было бы — «общезначимый вывод»), базирующемся на том, что авторы называют «логической импликацией». Здесь нам бы хотелось особо отметить два момента. Во-первых, это определение полностью совпадает с пониманием предмета логики ее основателем Аристотелем. Напомним, что «Первая аналитика» начинается в типично Аристотелевом стиле: «Прежде всего, следует сказать, о чем исследование и дело какой оно [науки]: оно о доказательстве и это дело доказывающей науки» (24а). Во-вторых, авторы резко противопоставляют данный подход распространенному определению логики как «науки о законах мышления». Они подчеркивают, что «в задачу логики не входит описание того, что происходит в голове человека» (С. 42), поскольку «любое исследование законов или способов нашего мышления относится к области психологии», а не логики (С. 49). Этому вопросу уделяется также особое внимание в последней главе первой книги — анализируются законы логики и подвергается критике их истолкование как «законов правильного мышления». Авторы убедительно демонстрируют неправомерность любого психологического или «практически-прагматического» обоснования логических законов и приходят к выводу, что последние в своей основе выражают «наиболее общую природу вещей», а логику, таким образом, «можно рассматривать как науку о наиболее общих, наиболее проникающих свойствах всего, что существует, равно как и всего, что может существовать» (С. 266).

Далее, все изложение традиционных тем, связанных с силлогистическими выводами, носит подчеркнуто объективистский характер, без какой-либо отсылки к возможным мыслительным процедурам. Российскому читателю может показаться непривычным, что среди этих тем отсутствует неизменно входящая во все отечественные пособия по логике тема «Понятие», более того, слово «понятие» вообще не встречается в данном учебнике в качестве особого логического термина. Это, однако, полностью соответствует «англоязычной традиции» преподавания логики, где в полном соответствии с Аристотелевым подходом принято вместо «понятий» вести речь о «терминах» или «именах». Аналогичным образом в англоязычной логической литературе предпочитают говорить не о «суждениях» («judgments»), а о «высказываниях» («propositions»). Не найдем мы в данном учебнике и никакого упоминания пресловутых «форм мышления». Такой подчеркнуто объективистский подход к терминологии позволяет последовательно провести отмеченную выше антипсихологистскую установку. В этом отношении принятый в рецензируемом издании перевод термина «proposition» как «суждение» нельзя признать удачным. Ниже мы еще вернемся к этому вопросу.

В целом рассмотрение в учебнике традиционно-логического материала вполне стандартно. Отдельная глава посвящена анализу отношений между высказываниями, что следует признать удачным решением, поскольку именно эта тема лучше всего подходит для объяснения таких центральных логических категорий, как логическая эквивалентность (равнозначность) и логическое противоречие. Кроме того, через различные логические отношения здесь обосновываются и вводятся непосредственные умозаключения. Как и положено в такого рода учебниках, книга содержит главу с подробным изложением учения о категорическом силлогизме, а также главу об условно-категорических, разделительно-категорических и условно-разделительных формах выводов.

Оценивая содержание первой книги данного учебника, следует отметить, что оно выполнено на достаточно высоком профессиональном уровне. Вместе с тем, при обсуждении традиционных тем, авторам не удалось избежать некоторых распространенных неточностей, которыми часто страдают «общедоступные» учебные пособия по логике. В частности, в книге только вскользь упоминается различие между силлогистикой Аристотеля и так называемой «традиционной силлогистикой» (С. 125), но не уточняется, в чем именно состоит это различие, и в ходе дальнейшего изложения у читателя может возникнуть неверное впечатление, что рассматриваемая в книге силлогистическая теория принадлежит Аристотелю. Определение распространенности и нераспространенности терминов (С. 74) нельзя признать удовлетворительным, поскольку оно использует свойство термина указывать на все или не на все обозначаемые им индивиды, которое никак не разъясняется. Страдает непоследовательностью рассмотрение важной проблемы экзистенциальной нагруженности терминов. На С. 79 фактически утверждается, что субъект общего категорического высказывания может быть пустым термином. При такой трактовке, однако, не выполняются некоторые отношения традиционного логического квадрата, поэтому при рассмотрении этих отношений авторы налагают на общие суждения дополнительное условие непустоты входящих в него терминов. Именно это условие (вместе с неуниверсальностью терминов) отличает традиционную силлогистику от аристотелевской (авторы об этом, к сожалению, умалчивают), поэтому на С. 134 говорится: «Ниже мы раз и навсегда будем допускать, что обозначаемые терминами классы являются непустыми». Однако далее, в предлагаемом авторами выражении «традиционных категорических высказываний» на языке теории классов допускается существование универсального и пустого классов, более того, высказывание «Все a суть b » истолковывается как $a < b$, что тривиально выполняется, если класс a пуст, а значит заявленная выше экзистенциальная нагруженность субъекта оказывается необязательной, что не соответствует пониманию категорических высказываний в традиционной силлогистике. Нельзя также согласиться с трактовкой современной символической логики как «дополнения и расширения» (С. 125) или даже «обобщения» (С. 168) логики Аристотеля, равно как и с утверждением о невозможности неаристотелевской логики (С. 27). Эти (как и некоторые другие) огрехи, которые, впрочем, являются довольно типичными для такого рода учебников, с лихвой перекрываются в

целом добротным изложением основной проблематики традиционной логической концепции, выдержанном в едином, ориентированном на научность, ключе.

Итак, как уже было отмечено выше, материал первой, собственно логической части данного учебника представляет особый интерес не столько своим конкретным содержанием, сколько общим стилем изложения и особенностями подхода к постановке и решению логических задач. В отличие от этого, содержание некоторых глав второй, общеметодологической, книги учебника включает ряд идей, выражающих характерные черты оригинальной философской позиции авторов. Это относится к рассмотрению таких тем, как «логика и метод науки», «гипотезы и научный метод», «измерение», «вероятностный вывод в истории и смежных исследованиях», «логика и критическая оценка». Значительную научную ценность представляет заключительная глава, в которой авторы обобщают свои взгляды на природу и основные особенности научной методологии. Ну, а в завершающем (если не считать приложения) параграфе всего труда авторы подвергают резкой критике сторонников «мистической интуиции» и провозглашают непреходящую ценность познания и рациональных методов науки. Авторы заканчивают свою книгу утверждением, во многом созвучным открываемому «Метафизику» Аристотеля тезису о том, что все люди от природы стремятся к знанию: «Стремление к знанию ради знания более распространено, чем это обычно признается теми, кто отрицает способности разума в познании» (С. 539). Последний же абзац данного параграфа стоит того, чтобы процитировать его целиком: «Научный метод является единственным эффективным способом усилить любовь к истине. Он развивает интеллектуальную храбрость при столкновении с трудностями и позволяет преодолевать иллюзии, которые доставляют лишь временное удовольствие, но, в конечном счете, наносят вред. Он разрешает разногласия путем апелляции к нашей общей рациональной природе, не прибегая к внешней силе. Научный подход, даже если он похож на неприступную гору, открыт для всех. Поэтому если сектантская или фанатичная вера, базирующаяся на личном выборе или личном праве, разделяет людей, то научный метод, наоборот, их объединяет вокруг чего-то благородного и лишнего какой-либо мелочности. Поскольку он требует отстраненности и незаинтересованности, он является самым возвышенным плодом и критерием либеральной цивилизации» (С. 544). Трудно что-либо добавить к этим замечательным словам, которые, на наш взгляд, полностью сохраняют свою силу и в наши дни.

Перевод книги выполнен известным специалистом в области аналитической философии Петром Куслием. Отмечая в целом очень хорошее качество перевода, хотелось бы отдельно остановиться на затронутой выше проблеме перевода термина «proposition». Не так давно эта проблема стала поводом для обширной (и, к сожалению, местами довольно ожесточенной) дискуссии – см., например: «Вопросы философии» – 2000. № 7 и 2001. № 12; «Логос» – 2003. № 2 (37); 2004. № 1 (41) и 2005. № 2 (47). Основной спор развернулся вокруг допустимости и уместности в данном случае использования прямого заимствования «пропозиция»,

а также приемлемости перевода «proposition» как «суждение», который использовался в 50-х — 60-х годах прошлого века в изданиях некоторых классических работ (в том числе А. Черча и Р. Карнапа). К сожалению, участники этой дискуссии не пришли к какому-то единому мнению.

П. Куслий в предисловии переводчика (С. 22 — 23) также останавливается на этой проблеме и пытается обосновать принятое им решение в пользу термина «суждение» как перевода для «proposition». Тем не менее, приводимые им аргументы представляются не вполне убедительными. Прежде всего, это касается возможной коллизии в переводах английских терминов «judgment» и «proposition». Дело в том, что «judgment» стандартным образом переводится на русский язык именно как «суждение», однако в русском издании книги Р. Карнапа «Значение и необходимость» (М., 1959) и учебника А. Черча «Введение в математическую логику» (М., 1960) этот перевод также был использован и для термина «proposition». Такое решение переводчиков книг Р. Карнапа и А. Черча, на наш взгляд, было очень неудачным (особенно если речь идет о переводе работ по современной символической логике), но оно, как оказалось, имело далеко идущие последствия, поскольку породило определенную традицию (особенно в переводе философской литературы), которую теперь не так-то легко преодолеть. О степени укорененности данной традиции свидетельствует и утверждение П. Куслия, что единственно возможным, на его взгляд, переводом для английских терминов «judgment» и «proposition» является «суждение». С этим утверждением вряд ли можно согласиться. П. Куслий совершенно верно отмечает, что в англоязычной логической литературе указанные термины имеют разный смысл. Это различие, однако, несложно выразить и в русском языке, если оставить за «judgment» традиционный перевод «суждение», а «proposition» стандартным образом переводить термином «высказывание», как это обычно и делается в переводах работ по математической (символической) логике [см., например: Карри Х. Основания математической логики (М., 1969), Мендельсон Э. Введение в математическую логику (М., 1971)]. В самом деле, учитывая устоявшуюся русскоязычную терминологию современной символической логики и широкое использование в ней таких терминов, как «логика высказываний», «исчисление высказываний», «алгебра высказываний», «высказывательная функция» и т.п., именно «высказывание» представляется наиболее удачным аналогом для «proposition». Другой довод, приводимый П. Куслием в пользу перевода «proposition» как «суждение», сводится к тому, что в отечественных учебниках по традиционной логике принято вести речь именно о суждениях (в рамках, добавим мы, пресловутой «логической триады»: понятие — суждение — умозаключение), и отказываться от всей этой традиции было бы, по его мнению, неправильно. Этот довод представляется нам также не вполне убедительным, поскольку перевод с одного языка на другой должен, в первую очередь,

¹ В оригинале: Propositions are often confounded with the mental acts required to think them. This confusion is fostered by calling propositions „judgments“, for the latter is an ambiguous term, sometimes denoting the mental act of judging, and sometimes

отражать особенности терминологических подходов и традиций, принятых в том языке, с которого делается перевод. Как уже отмечалось выше, для англоязычной логической литературы характерен устойчивый антипсихологизм, который находит свое выражение в принимаемой там концептуальной и терминологической системе, и при переводе английских логических текстов на русский язык очень важно передать эту антипсихологистскую установку. К примеру, было бы некорректно переводить название параграфа «Термины. Их содержание и объем» как «Понятия. Их содержание и объем» на том основании, что в русскоязычных учебниках по логике указанный параграф назывался бы именно так. Ясно, что такой перевод, по сути, серьезно искажал бы исходный текст. Между прочим, можно привести интересное свидетельство того, что неадекватность перевода «proposition» как «суждение» осознавалась еще в начале прошлого века. В русском переводе книги Уильяма Минто «Логика: индуктивная и дедуктивная» (1903) этот термин переведен не как «суждение», а как «предложение», что, при всех оговорках, вполне отражает различие между психологическим актом «суждения» и его выражением в языке.

Исходный текст (пер. наш. — Я. Шрамко)	Перевод в рецензируемом издании
Высказывания часто путают с психическими актами, посредством которых мы их мыслим. Эта путаница возникает, когда высказывания называют «суждениями», ибо последний термин является двусмысленным, иногда обозначая сам психический акт вынесения суждения, а иногда указывая на то, о чем судят. Но как мы отличили высказывание (в объективном смысле) от предложения, которое его утверждает, точно также должны мы отличать его и от психического акта, или суждения, в котором мы его мыслим¹.	Суждения часто спутываются с психическими актами, необходимыми для того, чтобы иметь суждение. Данная путаница происходит из понимания термина «суждение» как субстантивированного глагола. Это приводит к туманностям, ибо в одних случаях этим термином обозначается психический акт вынесения определенного суждения, а в других — само суждение, как содержание такого акта. Однако точно так же, как мы провели различие между суждением (как объективным смыслом) и предложением, в котором оно выражается, мы должны разграничить суждение и акт психики, связанный с вынесением суждения.

Это же различие последовательно проводится в учебнике М. Козна и Э. Нагеля, но принятый в русском издании перевод «proposition» как «суждение» делает практически невозможным адекватное отражение

referring to that which is judged. But just as we have distinguished the proposition (as the objective meaning) from the sentence which states it, so we must distinguish it from act of mind or the judgment which thinks it.

этого различия в русском тексте. Более того, при переводе тех отрывков, в которых авторы эксплицитно разъясняют указанное различие, переводчик был вынужден прибегнуть к сложным ухищрениям, чтобы развести используемые в оригинале «judgment» и «proposition». Но достаточно даже бегло сравнить получившийся результат и исходный текст, чтобы убедиться в том, насколько удачнее был бы прямой перевод «proposition» как «высказывание». Это касается, например, следующего пассажа на С. 61, сложность перевода которого, когда «judgment» и «proposition» переводятся одним и тем же термином «суждение», отмечает в своем предисловии и П. Куслий: (см. таблицу на стр. 125 рецензии).

Таким образом, учитывая, что данный учебник, несомненно, должен пользоваться спросом, можно было бы порекомендовать, при подготовке к печати второго издания книги, несколько откорректировать перевод, сделав выбор в пользу перевода «proposition» как «высказывания». Кроме того, в технической корректировке нуждается и указатель данного издания, в который на стадии издательской обработки вкралась досадная погрешность, а именно все отсылки на соответствующие страницы действительны с поправкой (*Абеляр, Петр* в указателе значится на С. 154, в тексте же встречается на С. 150 и т.д.).